

Выражение лица Цзян Яня осталось прежним. Он не улыбался и не выглядел расстроенным; брови не хмурились, уголки губ не опускались. Он все так же в упор смотрел на Сюй Ци, и в этом взгляде читалось спокойное, но непоколебимое упрямство.

— Но тогда я чувствовал себя именно так – как брошенный тобой пес, — произнес он.

После того телефонного разговора о расставании он звонил Сюй Ци бессчетное количество раз. Сюй Ци дважды сбросил вызов, а потом и вовсе добавил его в черный список. Но он продолжал звонить на заблокированный номер, даже менял сим-карты, словно собака, которую выбросили при переезде, а она продолжает скулить под дверью старого дома.

Сюй Ци, человек с обостренным чувством собственного достоинства, не мог понять, как кто-то может так отозваться о самом себе. Слова Цзян Яня ошарашили его, в горле встал ком.

— ...Прости, — медленно проговорил он. — За то, что причинил тебе тогда такую боль.

Но Цзян Янь возразил:

— Тебе не за что передо мной извиняться. — Его тон был на редкость ровным. — Если на то пошло, ты сделал для меня столько хорошего, что это перекрывает все остальное. Если бы не ты, я бы, наверное, давно спрыгнул откуда-нибудь или сошел с ума и загремел в психушку. Даже если бы ты не принял мое признание и счел мои чувства омерзительными, это все равно считалось бы, что я отплатил тебе черной неблагодарностью за все добро.

Он слегка опустил голову:

— Я просто никак не могу понять: почему ты сначала принял меня, а потом так внезапно бросил?

За столом повисла мертвая тишина.

Цзян Янь смиренно ждал ответа, а Сюй Ци до боли закусил губу, чувствуя, будто чьи-то невидимые руки сжали ему горло. По совести говоря, он должен был объясниться, назвать истинную причину расставания. Но то, что он под страхом смерти не хотел открывать тогда, он не мог заставить себя произнести и годы спустя.

В конечном счете Сюй Ци снова смог выдавить лишь:

— Прости.

Цзян Янь спросил:

— Все еще не можешь мне сказать?

Сюй Ци отвел взгляд:

— Я не хочу об этом говорить.

Цзян Янь поднялся со своего места. Сюй Ци слышал, как шаги приближаются к нему, и затихли у самого стула. Цзян Янь опустился на корточки прямо перед его лицом, заставляя снова встретиться взглядом. Задрал голову, он посмотрел на него снизу вверх:

— Тогда ты можешь снова подобрать меня и приютить?

Сюй Ци опешил.

Цзян Янь сильно изменился с тех пор: он стал красивым, высоким мужчиной, и даже в обычной повседневной одежде в нем чувствовалась порода. И вот сейчас он сидел на корточках рядом с Сюй Ци, глядя на него с такой преданностью и серьезностью, словно выросший пес, который по-прежнему мечтает лишь о ласке хозяина.

Сюй Ци сжал кулаки, дыхание его невольно участилось. Ему хотелось спросить «зачем», ведь Цзян Янь тоскует вовсе не по нему, не по этому заурядному, ничего не добившемуся человеку, а по образу прекрасного принца из юности – по иллюзии, которая давно рассыпалась. Хотелось спросить «к чему это», ведь Цзян Янь теперь взрослый и успешный человек, а не тот затравленный мальчишка, и ему совершенно ни к чему так унижаться и молить.

В итоге он глубоко вздохнул и покачал головой:

— Цзян Янь, ты не мой пес.

Цзян Янь:

— Это было всего лишь сравнение. Я не считаю себя собакой на самом деле.

Сюй Ци:

— Тогда ты и сам понимаешь, что отношения между людьми – штука сложная. Их нельзя восстановить одной фразой «подобрать и приютить заново».

Цзян Янь:

— Если ты только захочешь снова меня «приютить», я на все согласен.

Сюй Ци вздохнул:

— Мне тебя не прокормить.

Цзян Янь моргнул и накрыл его ладонь своей рукой:

— У меня есть работа и деньги. Содержать меня очень легко, я совсем неприхотливый.

<http://bllate.org/book/18222/1745573>